

УЧЕНІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА

объ оправданіи

въ посланіи къ римлянамъ.

Римскую церковь, какъ и всѣ вообще первыя христіанскія церкви, составляли христіане изъ іудеевъ и язычниковъ, которые и послѣ того, какъ сдѣлались христіанами, враждебно смотрѣли другъ на друга. Между ними, какъ видно изъ апостольскаго посланія къ нимъ, произошли распри и раздоры (Рим. 16, 17). Раздоры эти, съ вѣроятностію можно полагать, были слѣдствіемъ не пониманія истиннаго смысла ученія объ оправданіи. Христіане изъ іудеевъ и язычниковъ, каждый себѣ усвоили преимущество чести въ церкви, какъ это было въ церкви коринтской. Это притязаніе породило новое — о преимуществахъ оправданія предъ Богомъ. Христіане изъ язычниковъ гордились мудростію и добродѣтелями своихъ философовъ и унижали іудеевъ, какъ отверженное племя. Христіане же изъ іудеевъ хвалились святостію своихъ патріарховъ, какъ будто она имѣла вліяніе на ихъ оправданіе, уповали на свой законъ и обряды, свидѣтельствующіе объ избраніи ихъ Богомъ, думали оправдаться предъ Богомъ дѣлами закона и, требуя исполненія закона даже отъ христіанъ изъ язычниковъ, унижали такимъ образомъ достоинство заслугъ Іисуса Христа.

Оставить эти притязанія между членами римской церкви неразъясненными, значило бы допустить, чтобы новообращенные іудеи и язычники оставались въ церкви не примиримыми. Ап. Павелъ, какъ учитель языковъ, нашелъ нужнымъ разъяснить для римской церкви неосновательность притязаній ея членовъ, раскрыть истинный смыслъ того ученія, по которому ни іудеи, ни язычники, сами по себѣ, не имѣютъ права на вѣчное наслѣдіе и при томъ показать, что если имѣютъ право одни, іудеи, то такое же точно имѣютъ и другіе — язычники, дабы такъ образувѣровавшіе іудеи и язычники могли видѣть другъ въ другѣ своихъ истинныхъ братій, дабы, говоря частнѣе, іудеи могли видѣть въ язычникахъ истинныхъ чадъ Авраама по духу. Та-

кимъ образомъ апостоль Павелъ имѣлъ самое настоятельное побужденіе къ изложенію ученія объ оправданіи для римской церкви.

Приступая къ изложенію ученія объ оправданіи въ посланіи къ Римлянамъ, апостоль Павелъ прежде всего указываетъ источникъ, въ которомъ единственно можно почерпнуть спасеніе — это благовѣствованіе Христово. Евангеліе Христово есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему, Иудею же прежде и Еллину* (1, 16). Слова эти Апостоль направляетъ противъ главнаго недуга римскихъ христіанъ; потому что христіане изъ язычниковъ, когда выставляли на видъ заслуги своихъ философовъ, то этимъ самымъ давали замѣтить, что въ нихъ самихъ есть источникъ оправданія; а христіане изъ іудеевъ, когда выставляли на видъ добродѣтели своихъ патріарховъ, то этимъ показывали, что они имѣютъ источникъ своего оправданія въ праведности патріарховъ. Но когда онъ, сказавъ, что евангеліе есть сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему, добавляетъ: *Иудею же прежде и Еллину*, то этимъ показываетъ, что іудеи и язычники въ одинаковомъ отношеніи находятся къ оправданію, что для тѣхъ и другихъ необходимо благовѣствованіе Христово, а иначе невозможно спасеніе. Итакъ въ самыхъ первыхъ словахъ апостоль Павелъ довольно раскрываетъ смыслъ ученія объ оправданіи, и слѣдовательно въ самомъ началѣ посланія уничтожаетъ хвастливыя притязанія Римлянъ на право наслѣдія жизни вѣчной.

Указавъ на евангеліе, какъ на силу Божію во спасеніе, Апостоль переходитъ къ послѣдовательному изложенію ученія объ оправданіи.

Прежде всего онъ доказываетъ, что іудеи и язычники сами собою не могутъ оправдаться предъ Богомъ, и отсюда выводитъ необходимость правды Божіей, или оправданія чрезъ вѣру.

Что язычники не могутъ оправдаться предъ Богомъ — это св. Апостоль видитъ въ самомъ ихъ состояніи. Состояніе язычниковъ было таково, что оно во вѣхъ своихъ проявленіяхъ прогнѣвляло и оскорбляло правосуднаго Бога (1, 19 — 32). *Разум-*

ное Свое Богъ явилъ язычникамъ въ окружающемъ ихъ мірѣ, гдѣ самыми живыми письменами проповѣдывались безконечныя совершенства Божіи. Этимъ способомъ, называемымъ естественный, язычники должны были руководствоваться въ дѣлѣ своего оправданія. Но внушенія духовной и видимой природы остались голосомъ въ пустынь. Язычники не только не познали правды Божіей, а напротивъ осуетились въ своихъ помышленіяхъ, и неразумное ихъ сердце до того омрачилось, что они навсегда потеряли истину и добро; самыя даже естественныя потребности извращены были до отвратительной неестественности. Такое положеніе дѣлъ не только не могло оправдать язычниковъ, а напротивъ подвергало ихъ всей строгости законовъ правосуднаго Бога. *Скорбь и тѣснота на всяку душу чловѣка, творяща злое* (2, 9). Итакъ естественное состояніе приводило чловѣка къ осужденію и наказанію.

Но къ тому же самому, т. е., къ осужденію и наказанію приводило и состояніе подзаконное: *скорбь и тѣснота на душу чловѣка, творяща злое Іудея прежде и Еллина*. Основаніе этому Апостоль указываетъ въ самомъ же подзаконномъ состояніи.

Ты іудей, такъ начинается Апостоль изображать состояніе іудеевъ, ты имѣешь законъ, хвалишься имъ, хвалишься тѣмъ, что позналъ Бога; но что изъ этаго? Какое ты благое сдѣлалъ изъ закона употребленіе? Оправдался ли ты предъ Богомъ? Или хоть самъ по себѣ сложилъ съ себя часть осужденія? Ни сколько! Ты учишь другихъ благое творить, а самъ не творишь, учишь не прелюбодѣйствовать, а самъ прелюбодѣйствуешь, учишь не красть, а самъ крадешь; однимъ словомъ, ты хвалишься закономъ, а самъ безчестно преступаешь его; не тотъ іудей, кто таковъ наружно, а тотъ, кто таковъ внутренно. Для тебя, іудей, нѣтъ никакой выгоды, что ты—іудей, хотя и имѣешь нѣкоторыя предоставленныя тебѣ преимущества.—Отседѣ видно, что состояніе подзаконное было не лучше состоянія естественнаго.

Грѣхъ держалъ іудеевъ и язычниковъ въ своей власти и отчуждалъ ихъ отъ жизни Божіей: *нѣсть праведенъ никтоже*:

весь міръ повиненъ Богови; потому что *все согрѣшиша и лишени суть славы Божіей* (4, 23).

Послѣ всего, что сказалъ Апостоль, могла ли быть рѣчь о преимуществахъ между іудеями и язычниками, когда грѣхъ сравнивалъ ихъ въ отношеніи къ правосудному Богу и дѣлалъ ихъ неспособными оправдаться предъ Богомъ собственными средствами.

Состояніе іудеевъ и язычниковъ не позволяло ни имъ самимъ возвыситься до Бога, ни правосудію Божію снизить непосредственно до ихъ немощи; почему необходимъ былъ иной способъ въ оправданію; необходимо было какое либо при этомъ посредничество. Этотъ иной способъ оправданія и поданъ Самимъ Богомъ, а посредникомъ является Самъ Единородный Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ. *Нынѣ же кромѣ закона, правда Божія явилась*, говоритъ Апостоль и далѣе прибавляетъ: *оправдаеми туне благодатию Его о Христѣ Іисусѣ, Его же предположи Богъ для спасенія нашего* (3, 24. 25). Смыслъ этихъ словъ очевиденъ: вы, какъ бы такъ сказано, оправдались рѣшительно даромъ, не представивъ съ своей стороны ничего достойнаго оправданія.

Не многія слова: *оправдаеми туне благодатию Его избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ*, показываютъ и существо оправданія и его основаніе и возможность. Основаніе оправданія есть безконечная любовь Божія, по вѣрѣ въ заслуги Сына Божія обильно изливающаяся на насъ Духомъ св. сущимъ въ насъ, а существо состоитъ въ томъ, что оправданіе даруется человѣку безъ всякихъ съ его стороны заслугъ: *благодатию есте спасени, сіе не отъ васъ, Божій даръ*; и тогда, когда человѣкъ грѣшилъ и оскорблялъ тѣмъ Бога, правда Божія взыскала его — грѣшника. Это оправданіе по благодати совершенно возможно для человѣка; потому что оно совершилось при посредствѣ Іисуса Христа, Который есть Богъ всемогущій и заслугъ Котораго совершенно достаточно для того, чтобы всему міру заслужить прощеніе грѣховъ и право на наслѣдіе царствія Божія. Итакъ если бы не Самъ Богъ всеблагій подалъ людямъ средство ко спасенію, люди навсегда должны бы были погибнуть.

Показавъ римск. христіанамъ источникъ оправданія и сущность ученія о немъ, Апостоль Павелъ необходимо долженъ былъ перейти уже къ тому условію, безъ котораго невозможно человѣку усвоеніе праведности Іисуса Христа, или яснѣе, безъ котораго невозможно спасеніе. Условіе это, по своему свойству, должно быть таково, чтобы совершеннѣйшимъ образомъ вмѣняло человѣку праведность Іисуса Христа, а чтобы усвоить праведность Іисуса Христа, необходимо родиться отъ Христа—по духу, какое рожденіе и свидѣтельствуется вѣрою.—Итакъ условіе, необходимое для того, чтобы праведность Іисуса Христа была вмѣнена человѣку, есть вѣра, вѣра непоколебляющаяся никакими сомнѣніями, вѣра твердая и постоянная, образецъ которой представляетъ намъ Авраамъ, отецъ вѣрующихъ: *мыслимъ убо вѣрою оправдатися, безъ дѣлъ закона* (3, 28), говоритъ Ап. Павелъ.

Чтобы глубже утвердить римск. христіанъ въ этой спасительной истинѣ,—Апостоль вездѣ сопоставляетъ вѣру съ закономъ и находитъ, что явившаяся вѣра превосходнѣе закона и что самый законъ данъ былъ для того, чтобы привести человѣка къ вѣрѣ, и въ то же время показываетъ, что вѣра, по всей справедливости заслуживаетъ того, чтобы усвоить человѣку оправданіе.

Иудействующимъ горько было слышать, что дѣла закона не имѣютъ никакого значенія ни сами въ себѣ, ни въ отношеніи къ людямъ, что самый законъ уничтожается вѣрою и—только одна вѣра оправдываетъ человѣка. Иудействующіе никакъ не могли помириться съ тою мыслию, что вѣрою, безъ дѣлъ закона, можно оправдаться; они считали вѣру не важною, не заслуживающею серьезнаго вниманія. Потому-то Апостоль на этотъ пунктъ обращаетъ особенное вниманіе.

Сказавши, что можно оправдаться только чрезъ вѣру и замѣтивъ, какъ бы мимоходомъ, что вѣрою законъ не разоряется: *вѣрою ли разоряемъ законъ, да не будетъ* (31), Апостоль, для большаго убѣжденія, приводитъ достоуважаемую, великую личность Авраама съ одной стороны для того, чтобы показать, что и самъ Авраамъ спасся не иначе, какъ чрезъ вѣру, а съ

другой, чтобы въ лицѣ его показать, что самый законъ отъ вѣры только получаетъ утвержденіе и значеніе.

Прежде всего Апостоль спрашиваетъ, чѣмъ оправдался Авраамъ, дѣлами ли закона или вѣрою и, сказавши, что онъ оправдался вѣрою, присовокупляетъ: если бы онъ оправдался дѣлами закона, то имѣеть похвалу, но не у Бога, потому что честь оправданія принадлежала бы ему самому, а если онъ оправдался вѣрою, то имѣеть похвалу у Бога и вѣра его вмѣняется ему въ правду. Для ясности не излишне будетъ привести слова св. Златоуста на это мѣсто, почему только вѣра заслуживаетъ похвалу у Бога, а не дѣла закона, въ чемъ именно и заключается превосходство вѣры предъ закономъ.

„Двѣ есть похвалы, говоритъ св. Златоустъ, одна за дѣла, другая за вѣру. Хвалящійся дѣлами будетъ выставлать собственные труды, а кто вмѣняетъ себѣ въ честь, что вѣруетъ въ Бога, выставлаетъ гораздо высшій и лучшій предлогъ къ похвалѣ. По вѣрѣ въ Бога признавъ истиннымъ то, чего не открыла природа видимыхъ вещей, онъ доказалъ тѣмъ искреннюю любовь къ Богу и предвозвѣстилъ славу Его. Не врать, не убивать есть дѣло самое обыкновенное; но говорить, что Богъ силенъ сотворить невозможное, нуженъ духъ глубоко приверженный Богу, глубоко вѣрующій Ему“. Вѣра, какъ еще замѣчаетъ Златоустъ, въ др. мѣстѣ, показываетъ въ человѣкѣ глубокую любовь, а кто любитъ Бога, того и Богъ не можетъ не любить, и такой человѣкъ не можетъ не воспринять въ себя Божію любовь и всю полноту Его даровъ; почему онъ самымъ необходимымъ образомъ вмѣняетъ себѣ вѣрою оправданіе Божіе: и если вѣра заслуживаетъ похвалу у Бога, то ей, по всей справедливости, вмѣняется правда Божія.

Продолжая показывать превосходство вѣры предъ закономъ, Апостоль вопрошаетъ: когда вмѣнилась Аврааму вѣра, до обрѣзанія или послѣ него, и отвѣчаетъ, что послѣ, потому что само обрѣзаніе было свидѣтельствомъ вѣры; отселѣ слѣдуетъ, что обрѣзаніе не только не помогло Аврааму оправдаться вѣрою, но напротивъ само явилось, какъ слѣдствіе вѣры, какъ знаменіе

праведности по вѣрѣ. Почему гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и обрѣзанія. Обрѣзаніе, какъ знаменіе праведности по вѣрѣ, дано было для того, чтобы искать вѣры, какъ замѣчаетъ Златоустъ. Слѣдоват., если вѣра давала знаменіе обрѣзанію, которое безъ вѣры ничего бы не значило, то отселѣ слѣдуетъ, что и законъ получаетъ значеніе только отъ вѣры, а отселѣ то, что вѣра не разоряетъ закона, а утверждаетъ его, т. е., даетъ ему значеніе.

Іудеи, какъ замѣчено выше, считали вѣру слишкомъ малозначущею, дѣломъ скорымъ и очень легкимъ. Апостоль въ лицѣ Авраама опять представляетъ, что вѣра — дѣло не безтрудоное.

Показавъ такимъ образ., что вѣра справедливо заслуживаетъ оправданіе и не есть дѣло легкое, Апостоль переходитъ въ изложенію того, что пріобрѣтаетъ человѣкъ чрезъ вѣру для того, чтобы іудействующіе ясныѣ могли убѣдиться въ необязательности законныхъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, какъ они понимали законъ. Очевидно, что если вѣра усвоитъ намъ все, что нужно для спасенія людей и для ихъ блаженства, все другое не нужно, какъ средство оправданія.

Посредствомъ вѣры, мы, говоритъ Апостоль, оправдываемся предъ Богомъ, примираемся съ Нимъ, покрываемъ всѣ грѣхи наши, распинаемъ ветхаго человѣка со Христомъ, усвоаемъ смерть и воскресеніе Іисуса Христа и участвуемъ въ славѣ Его. Такимъ образ. вѣра всецѣло усвоитъ человѣку оправданіе со всѣми его плодами и дѣлаетъ его вполне блаженнымъ.

Чтобы не оставить въ Римлянахъ недоразумѣній какихъ либо, Апостоль Павелъ объясняетъ образъ, какимъ праведность Іисуса Христа и Его дѣйствія могутъ простираться на другихъ людей. Адамъ, говоритъ онъ, согрѣшилъ, и грѣхъ со всѣми своими послѣдствіями вмѣнился всѣмъ его потомкамъ и всѣ умирали. До закона грѣхъ былъ въ мірѣ и не вмѣнялся, а между тѣмъ люди и до закона умирали. Итакъ причина смерти не собственный грѣхъ человѣка, а его тѣлесное родство съ Адамомъ. Для насъ,

какъ бы такъ говоритъ Апостоль, ясно, что мы умираемъ за грѣхъ Адама, но какимъ образомъ этотъ грѣхъ вмѣняется намъ, это для насъ не понятно. Не большее затрудненіе представить намъ вмѣненіе праведности Іисуса Христа. Въ естественномъ Адамѣ повреждено все естество человѣческое, оттого всѣ и умирали, а въ духовн. Адамѣ—Христѣ Спасителѣ естество человѣческое возстановлено отъ своей порчи, воссоздано, просвѣтлено; слѣдов. обновленіе природы человѣка во Христѣ должно произвести соотвѣтственное себѣ дѣйствіе. Іисусъ Христосъ самымъ дѣломъ очистилъ природу человѣка, уничтоживъ въ ней всѣ Адамовы поврежденія; Онъ немоществовалъ въ плоти, страдалъ, умеръ и воскресъ въ ней, такимъ образ. въ земныхъ страданіяхъ и въ смерти Іисусъ Христосъ очистилъ природу отъ зла въ самомъ ея существѣ, а чрезъ воскресеніе внесъ въ нее свѣтъ и жизнь. Но это еще не все. Всякій согласится, говоритъ Апостоль далѣе, что даръ благодати превосходитъ преступленія; если прегрѣшеніемъ одного грѣшники были многіе, тѣмъ болѣе благодать и даръ по благодати во многихъ можетъ преизбыточествовать. Это, какъ замѣчаетъ Златоустъ, даже сообразнѣе съ здравымъ смысломъ, — чтобы благодать превышала преступленіе въ приложеніи къ людямъ. Если за одно преступленіе Адама смерть царствовала во всемъ мірѣ, то тѣмъ болѣе приѣмлющіе благодать, покрывающую всѣ грѣхи и убивающую смерть въ ея зародышѣ—въ грѣхѣ Адамовомъ, воцарятся въ жизни посредствомъ Іисуса Христа. Отселѣ слѣдуетъ, что чрезъ вѣру въ Іисуса Христа человѣкъ несравненно больше пріобрѣтаетъ, нежели сколько онъ потерялъ въ Адамѣ.

Итакъ оправданіе, будучи по существу и основанію даромъ Божіимъ, усвоается человѣкомъ чрезъ вѣру, дѣлаетъ его блаженнымъ и этимъ самымъ исключаетъ всякій другой способъ оправданія.

Ветхій законъ, какъ понимаетъ его Апостоль въ посланіи къ Римлянамъ, разсматриваемый въ своемъ истинномъ и существенномъ значеніи былъ ни что иное, какъ руководительное начало вѣры: *елика написана быша, вся въ наше наказаніе пред-*

написанъ, *законъ отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть* (3, 20). Законъ раскрывалъ предъ человѣкомъ его грѣховное состояніе; человѣкъ видѣлъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, свое нравственное безобразіе и необходимо возбуждался къ смиренному сознанию своей грѣховности и къ желанію высшей помощи оправданія чрезъ вѣру. Безспорно, что сотворивъ дѣла закона, человѣкъ живъ будетъ, но несомнѣнно и то, что безъ высшей помощи невозможно исполненіе, такъ что естественный — подзаконный человѣкъ, при всемъ своемъ усиліи исполнить законъ, долженъ былъ вести борьбу съ стремленіемъ исполнить законъ и съ безсиліемъ его исполнить. Но съ теченіемъ времени законъ утратилъ даже значеніе руководительнаго начала, почему Апостоль и называетъ немощнымъ то, что было руководящаго въ законѣ (8, 3).

Вся заслуга закона состояла въ томъ, что человѣкъ признавалъ свой грѣхъ и осужденіе за него: *грѣха не видяхъ, точію закономъ; грѣхъ вину приимъ заповѣдію* (7, 7. 8). Осудить грѣхъ было существенное назначеніе закона.

Въ этомъ случаѣ Апостоль не достигнуть цѣли не могъ. Законъ имѣлъ руководительное значеніе; Авраамъ оправдался вѣрою; Псалмопѣвецъ называетъ блаженными тѣхъ, которымъ за вѣру ихъ отпущены согрѣшенія. Естественно — іудействующіе не могли не поколебаться въ своей надеждѣ на оправданіе отъ дѣлъ закона. Но Апостоль не останавливается на этомъ и идетъ далѣе; онъ показываетъ, что съ пришествіемъ благодати законъ сдѣлался рѣшительно не нужнымъ.

Законъ въ христіанствѣ не нуженъ. Это положеніе Апостоль подтверждаетъ слѣдующимъ соображеніемъ: жена, говоритъ онъ, привязана къ мужу закономъ, когда живъ послѣдній: но когда онъ умеръ, тогда жена свободна. Во Христѣ, ветхій человѣкъ — грѣхъ распялся — умеръ, а какъ оправданный человѣкъ умеръ для грѣха, то и выходитъ, что законъ не нуженъ, такъ какъ онъ обнаруживалъ только грѣхъ.

Очевидно, когда не стало грѣха, не нужно и обличителя; — когда пришелъ Христосъ, въ Которому приводилъ законъ и ког-

да данъ новый законъ совершеннѣйшій, тогда прежній сдѣлался излишнимъ.

Итакъ нѣтъ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Иисусѣ, потому что законъ духа жизни во Христѣ избавляетъ ихъ отъ закона грѣха и смерти. Въ церкви Христовой законъ Моисеевъ, въ показанномъ смыслѣ, вовсе не нуженъ; тамъ господствуетъ одна вѣра и любящимъ Бога и вѣрующимъ въ Него все споспѣшествуетъ во благое.

Итакъ, по Апостолу, оправданіе должно искать ни въ мудрости человѣческой, ни въ законѣ, а въ вѣрѣ оправдывающей: *мыслимъ убо върою оправдатися, а не отъ дѣлъ закона.*

Изъ ученія Апостольскаго объ оправданіи, которое изложено выше, вполне уясняется и тайна всеобщности благодати. Эта истина такъ тѣсно связана съ другими—въ посланіи къ Римлянамъ, что представляется какъ бы основнымъ мотивомъ всего посланія. Апостоль пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы показать, что оправданіе доступно какъ іудею, такъ и язычнику.

Всеобщность оправданія прежде всего открывается изъ всеобщей грѣховности. Іудеи и язычники одинаково повинны предъ Богомъ, какъ оскорбители Его величія, какъ грѣшныи предъ Нимъ; а изъ сего необходимо слѣдуетъ, что если одни имѣютъ право на наслѣдіе, то точно такое же имѣютъ и другіе; грѣхъ приравнилъ тѣхъ и другихъ. Правда, іудеи имѣютъ преимущество предъ язычниками именно въ томъ, что имъ *вѣтрена быша словеса Божіи* (3, 2). Но это преимущество не зависитъ отъ самихъ іудеевъ, а дано отъ Бога и въ родовое преимущество усвоено еще ихъ патріархами. Что касается до достоинства іудеевъ, то говоритъ Апостоль, что мы, т. е., іудеи, ничего не имѣемъ преимущественнаго, всѣ подъ грѣхомъ: писано есть, яко нѣсть праведенъ никтоже. Всеобщая грѣховность требовала, чтобы тѣ и другіе или помилованы были или же наказаны.

Свящ. Конст. Довросердовъ.

(Окончаніе будетъ).